

Журнал «Мировые цивилизации» / Scientific journal «World civilizations» <https://wcj.world>

2023, №2, Том 8 / 2023, No 2, Vol 8 <https://wcj.world/issue-2-2023.html>

URL статьи: <https://wcj.world/PDF/09IAMZ223.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Наматов, Н. А. Москва – третий Рим: наследие Византии / Н. А. Наматов, Л. Ф. Баррига // Мировые цивилизации. — 2023 №2. — URL: <https://wcj.world/PDF/09IAMZ223.pdf>.

For citation:

Namatov N.A., Lopez F.B. Moscow as the Third Rome: Byzantium's Legacy. *World civilizations*. 2023; 2(8): 09IAMZ223. Available at: <https://wcj.world/PDF/09IAMZ223.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 9

Наматов Нурлан Аманович

Ассоциированный исследователь Французского института академических исследований
Член Парижского азиатского общества

Почетный профессор Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия
Профессор (PhD)

E-mail: namatov@gmail.com

Лопес Франклин Баррига

Почетный директор Национальной Академии истории Эквадора
Член-корреспондент Королевской Академии истории Испании

Член-корреспондент Национальной Академии истории и географии Мексики

Почетный профессор Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия

Москва – третий Рим: наследие Византии

Аннотация. Не отвергая значения Золотой Орды на формирование Русского государства, нужно подчеркнуть, что основную же роль сыграла имперская идеология Византии. Политика и государственная система Золотой Орды, как и других тюркских эмиратов опирается на персидскую традицию управления. В статье авторы сравнивают Византию и Сасанидскую Персию, наследниками которых стали Московия и Золотая Орда о котором и пойдет речь в данной статье. Идея монархии коренилась в представлении о божественном человеке. Решающим в этом процессе был вклад Римской империи, сумевшей, начиная с Августа, блестяще использовать монархическую идею, претворяя ее в мощные политические институты и прочные социальные структуры. В государстве, утомленном долгими междоусобицами, решение Августа должно было показаться единственным, способным положить конец злоупотреблениям олигархии и демократии. Римская республика как будто была восстановлена, хотя только на вид: для того, чтобы Август мог выполнять функции ректора или модератора «*rei publicae*», ему нужно было предоставить особое первенство; это произошло от присвоения «*auctoritas*», что приблизило княжество к самодержавию (абсолютная власть только одного). Скорее, он приобретает характер «*dominus*», то есть хранителя абсолютной власти, которая, восстанавливая концепцию царственности, присутствовавшую в эллинистическом мире, основана на божественной воле. Хотя сам он и не бог, священная и таинственная аура, которой был наделен император, становится важным источником легитимности для руководства политическим порядком. Переход к этой концепции власти произошел с появлением христианской империи; в самом деле, если, с одной стороны, государь использовал христианство для возвеличивания величия своей политической власти, то, с другой стороны, христианство готовилось найти в самом государе преданного защитника религии. Авторами представлены обширные материалы об истории Византии и славян и преемственности Московии. В работе авторы подчеркивают, что история Русской государственности связана с Византийским мировоззрением мира.

Ключевые слова: Византия; славяне; крещение Руси; идея монархии; dominus; Юстиниан; Сасанидская Персия

В IV веке на берегу Босфора родился город, которому суждено было соперничать с Римом за звание имперского города: Константинополь. Такой способ обращения с традицией находит свое развитие в выработке типичной для Византии имперской идеологии. Византийцы рассматривали Константинополь как политический и религиозный эпицентр мира. Кроме того, подобно концепции «царя царей», они видели в императоре представителя Бога на земле, который руководил империей, отражающей Царство Небесное. Их исключительность лучше всего определяется идеологией таксис, «охватывающим социальным, церковным и политическим идеалом, обозначающим иерархический порядок, стабильность и гармонию – качества, которые своим светом отличали их общество от других и сигнализировали об их близости к божественному».

Выражение «Москва – Третий Рим» резюмирует политическую теорию, постулирующую, что Москва, став столицей самого могущественного независимого православного государства, унаследовала бы после падения Константинополя («Второй Рим») в 1453 году [2], миссии по защите традиций Императорского Рима («первого Рима») и православной веры. Эта теория обосновывала, с одной стороны, всевластие государя, а с другой стороны, роль хранителей православной веры русских патриархов, по византийскому образцу, чью эмблему Москва приняла (двуглавый орел), титул «царь» (происходит от римского титула «Цезарь», от которого также происходит германский титул «Кайзер») и обряды коронации. Эта теория начала циркулировать в середине XV века, но окончательное выражение нашла в следующем столетии в трех письмах, написанных монахом Филофеем великому князю московскому Ивану III, его преемнику Василию III (1505–1533) и псковскому дьяку Михаилу Мисьер-Мунехину.

Защитники теории опираются на законность Третьего Рима браком Ивана III с принцессой Зоей Палеолог, племянницей последнего императора Восточной Римской империи, погибшего, защищая Константинополь: Константина XI Драгасаса. Разработанная и поддерживаемая в церковных кругах, эта теория привлекала мало внимания со стороны политических кругов, за исключением оправдания абсолютной власти государей и с точки зрения внутренней политики России, в конечном итоге лишилась смысла, когда Петр I решил европеизировать страну и перенести ее столицу из Москвы в Санкт-Петербург.

С другой стороны, с точки зрения внешней политики Российской империи, она продолжала служить сначала в «греческом проекте» Екатерины II, Григория Орлова и Евгения Вулгариса, затем в проекте «Новой России», войны с Османской империей за владение Черным морем, затем вместе с панславизмом, в «Большой игре» и «Восточном вопросе» через защиту православных подданных от османских султанов [1, 78].

Концепция, которую важно понимать при обсуждении внешней политики Византийской империи, – это то, что Р. Пейн назвал «позднеантичной космологической политикой» [59]. Эта концепция охватывает два основных государства, римлян и персов, и то, как их этноцентрические взгляды на самих себя влияли на их взаимодействие друг с другом и с миром в целом.

Во-первых, в отношении персов это идея Эраншахра, которая была разработана в сасанидский период. Этот термин использовался для обозначения «территории иранцев» или, точнее, политического центра мира, который состоял из семи краев (центр, окруженный шестью другими) и которым правил царь, наблюдавший за управлением политической властью в мире [28, 31, 34].

Концепция «иранской» империи вместо «сасанидской» привела к нескольким последствиям. Ардашир I связал политику с космологическими и религиозными рамками. Используя слово «Ērānšahr», он соединил сасанидов в контексте зороастрийской истории как восстановителей священной роли мира и процветания мира [59].

Его преемник, Шапур I, пошел еще дальше, введя титул «царя царей» Эрана и Анерана (иранского и неиранского) таким образом указав на идеологическую прерогативу объединения всего мира под властью иранского царя [4]. Из этих событий важно понять, что во времена династии Сасанидов персы считали себя центром мира как в религиозной, так и в политической сферах.

Аналогичное отношение к своей империи разделяли и византийцы. Они рассматривали Константинополь как политический и религиозный эпицентр мира. Кроме того, подобно концепции «царя царей», они видели в императоре представителя Бога на земле, который руководил империей, отражающей Царство Небесное [5, 55].

Их исключительность лучше всего определяется идеологией таксис, «охватывающим социальным, церковным и политическим идеалом, обозначающим иерархический порядок, стабильность и гармонию – качества, которые своим светом отличали их общество от других и сигнализировали об их близости к божественному» [60].

Поэтому, пытаясь проанализировать отношения и взаимодействия между византийцами и сасанидами, важно отметить, что обе империи считали себя политическими эпицентрами и представителями своих религий на земле. Эта идеология также повлияла на то, как византийцы относились к соседним народам. Их этнографическое восприятие мира носило четкий оттенок «их», а не «нас», что можно увидеть в бесчисленных позднеантичных литературных источниках, где такие термины, как «варвар» или «германец», являются обычным явлением [40].

Использование этих терминов в источниках помогает прояснить византийскую этнографическую идеологию в VI веке. Кроме того, включение этнографических экскурсов в работы древних историков также можно рассматривать с этноцентрической точки зрения. А. Калделлис утверждает, что историки поздней античности использовали эти отступления для косвенного анализа своих обществ, противопоставляя их варварам, и, таким образом, можно увидеть, что они используют общие образы, которые могут неточно отражать обсуждаемое варварское государство [47].

Это, однако, не означает, что из этих текстов нельзя пролить свет на достоверную информацию, но что представленную информацию следует понимать как исходящую из этноцентрической византийской точки зрения на мир. Они используют эти модели как средство для описания конфликтов и взаимодействий с византийской точки зрения и для оправдания действий, предпринятых против неримских народов, или удержания суверенитета над ними [32].

Что же это означает для отношений между этими империями в шестом веке? В этот период мы видим две империи, верившие в свое превосходство, борющиеся за господство. Во-первых, следует отметить, что, за исключением Хосрова II в седьмом веке, ни одна из этих империй не стремилась напрямую завоевать друг друга.

Было бы более уместно утверждать, что они стремились к превосходству друг над другом, чтобы оправдать свои этноцентрические взгляды. Лучше всего это становится понятно при оценке дани, полученной в результате военных конфликтов в шестом веке. Современные историки утверждали что основным фактором получения персами дани были

экономические факторы, а именно восполнение нехватки ресурсов и помощь в выплатах своим соперникам на Востоке [8, 9, 13, 21, 38, 57].

Однако, если разложить суммы этих платежей по отношению к годовым доходам Персидской империи в целом, то становится ясно, что с экономической точки зрения эти платежи были в значительной степени незначительными [10]. Величина этих платежей, следовательно, должна рассматриваться в термины символического характера. Дани обвиняла в подчинении и неполноценности принимающую империю [59, 62].

Этот символизм был необходим для политической космологии сасанидов и унизителен для византийцев. Те же самые мысли, которые были развиты иранологами в отношении дани и ее символизма, следует также применить к римской космологической точке зрения, сначала в отношении персов, но также и в отношении соседних государств, с которыми они взаимодействовали.

Унижение, связанное с выплатой дани, было не только финансовым, но и, что более важно, идеологическим. Представленные на фоне Персидской империи, идеологические последствия заключались в том, что они были покорным аналогом. Если рассматривать его в связи с более мелкими государствами, это считалось особенно унижительным, о чем свидетельствует негативное отношение Юстина II к «варварским» посольствам, требующим дани в начале его правления.

Таким образом мы видим негативный свет, в котором современные историки клеймят Юстиниана за эти платежи, и снятие клейма статуса данника является одной из главных идеологических проблем во внешней политике, которую Юстин II использует в отношении Персидской империи и пограничных обществ, с которыми он взаимодействует во время его правления.

VI век может похвастаться множеством письменных источников на разных языках, которые дают представление о развитии Византийской империи. Однако все эти источники создают особые проблемы, и к ним следует относиться осторожно и согласованно, чтобы получить четкое представление о политической ситуации.

Прокопий Кесарийский является основным источником царствования Юстиниана. Он составил три основных труда, а именно «Войны», «Тайная история» и «Здания», и стремился следовать традициям классических историков, особенно Фукидида. Поскольку Юстиниан доминировал в большей части литературы, посвященной шестому веку, библиография Прокопия весьма обширна.

Для этой статьи приведем краткий обзор работ и текущих дискуссий вокруг них, но, чтобы полностью понять сложности, окружающие Прокопия и его работы, необходимо обратиться к исследованиям, специально посвященным этой задаче [11, 46].

«Войны» охватывают период 527–551 гг. и в основном сосредоточены на кампаниях Юстиниана против персов, вандалов и готов (с включением балканских набегов гуннов и славян). Первые семь книг традиционно датируются ок. 550–551 с восьмым в 553 г. (или ок. 557 г.).

Прокопий дает уникальный взгляд на имперскую дипломатию и кампании, потому что он был секретарем генерала Велизария и присутствовал на Востоке, в Африке и Италии во время этих конфликтов. Тайная история была закончена ок. 550 г. (или ок. 558–559 г.) и представляет собой нападение на Юстиниана и его режим. Он отвергает представление о том, что Юстиниан вызывал всеобщее восхищение, и дает представление о инакомыслии по

отношению к Юстиниану, по крайней мере, части элиты (существовало ли это инакомыслие когда-либо или росло с течением времени, является одним из споров вокруг Прокопия).

Тон и отчеты явно преувеличен, но при внимательном рассмотрении можно выявить конкретные критические замечания в адрес режима Юстиниана. Здания построены в стиле панегирика (хотя это является предметом современных дебатов) и датируется ок. 554 г. (или ок. 559 г.) [45].

Основное внимание уделяется строительству или ремонту церквей, укреплений и общественных сооружений во время правления Юстиниана. Есть три основных спора вокруг работ Прокопия, которые будут кратко изложены здесь: неоплатоник или православный христианин, растущее или вездесущее инакомыслие против режима Юстиниана и относительная датировка трех работ.

Неоплатоническая точка зрения, аргументируемая Калделлисом, утверждает, что Прокопий был одним из представителей криптоплатоников (за которым последовали Агафий и Михаил Пселл) и что ортодоксальное христианство не было столь заметным в Византии, как считается в настоящее время, а скорее существовало постоянное нехристианское христианство. идеология, которая стремилась подорвать имперский режим, который он считает «тоталитарным и репрессивным» через политическую философию [48].

А. Кэмерон является одним из главных противников Калделлиса. Она утверждает, что она неэффективно рассматривает все три работы по отношению друг к другу (она считает, что он слишком пренебрежительно относится к Зданиям), чтобы поддержать этот аргумент. Кроме того, он утверждает, что Калделлису не удастся связать Прокопия с неоплатонизмом в более широком смысле, связывая его с другими писателями Юстиниана, такими как Иоанн Лидийский и Агапет [15, 18].

Идеологические последствия этого аргумента оказали влияние на данное исследование, поскольку они отражают второе противоречие, упомянутое выше, а именно: существование постоянного инакомыслия среди элит.

Контраргументы Кэмерона Калделлису видятся нам убедительными, особенно в свете исследования, представленного далее в этой статье, что диссидентство с Юстинианом росло в период его правления, путем сравнения других источников и реакции аристократов на политику вместе с Прокопием.

Еще одним спорным вопросом является датировка произведений Прокопия. Существует общее мнение, что первые семь книг о войнах были написаны ок. 551 г., но датировка других работ Прокопия вызвала дискуссии. Хотя Р. Скотт и Б. Кроук приводили доводы в пользу более поздней даты «Тайной истории», недавняя работа Калделлиса, последовавшая за Г. Грейтрексом, по-видимому, окончательно установила дату, первоначально заявленную Дж. Хоури, в 550 г. [23, 37, 39, 44, 63, 64, 66].

Существует гораздо больше споров о датах и VIII книгах Прокопия о войнах. Аргументы в пользу каждого из них многочисленны, и здесь нет места для их повторного рассмотрения и оценки. Для целей этого исследования мы приняли общее мнение об этих датах [20, 24, 35, 36, 61, 70].

Наконец, что особенно важно для этой работы, так это важная информация, которую он предоставляет о многих различных государствах, с которыми Византия вступает в контакт на Ближнем Востоке, от Галлии до Йемена и степей в Азии.

Однако, хотя из рассказов Прокопия о различных военных конфликтах в шестом веке можно многое почерпнуть, следует проявлять осторожность, поскольку он попадает в классический образ описания «варварских» племен в манере, аналогичной их предшественникам, и не свободны от использования стереотипов при оценке своей внешности и культуры. О жизни Менандра Протектора известно немного, а то, что мы знаем, в основном исходит из предисловия к его истории [6].

Он писал во времена правления Мориса и, хотя получил юридическое образование, адвокатской практикой не занимался. Он писал на греческом языке и его цель состояла в том, чтобы продолжить историю Агафия, которая, как он считал, приведет к богатству и продвижению по службе. Работа Менандра сохранилась только во фрагментах компиляций X века «*Excerpta de Sententiis*» и «*de Legationibus*», но есть также ряд его фрагментов, сохранившихся в архиве.

Насколько это доступно, его работа в основном касается дипломатической деятельности на персидских и балканских границах, но он также предоставляет некоторую информацию о византийских отношениях в Италии. Единственный современный источник, цитируемый Менандром – это Петр Патриций, которого он цитирует для договора, который он снабжает миром 562 года.

Одной из сильных сторон истории Менандра является его запись условий договора без следования классическому историографическому приему перефразирования их в литературном стиле [7, 14]. Однако следует быть осторожным при оценке его описаний варварских групп, поскольку он имеет тенденцию попадать в ловушку использования общих стереотипов при описании этих групп. Что касается императоров, Менандр изображает Юстиниана и Тиберия II в благоприятных условиях, часто оправдывая ошибки Юстиниана старостью, однако он склонен изображать Юстина II в более благоприятном свете, чем другие современные источники.

Это наиболее ясно видно из его трактовки конкурирующей политики субсидий. Менандр непоследователен на этом фронте поэтому с ним нужно обращаться осторожно. Он хвалит Юстиниана за предоставление субсидий сарацинам, а также Юстина II за отказ от дани аварскому посольству.

В целом, как указывает Кэмерон, работа Менандра является ценным источником информации о войнах и дипломатии того периода, но трудно реконструировать его личные цели. Тем не менее, он предоставляет сравнительный источник своим современникам того периода, а именно Иоанну Эфесскому, Евагрию и Евстратию, которые писали об одном и том же периоде в разных стилях [16].

«Истории Феофана Византийского» почти не сохранились до наших дней. Все, что существует о его работах, подробно описано в обзоре из Библиотеки Фотия. Хотя обзор Фотия краток (и неполный), можно констатировать, что он начался с разрыва отношений между византийцами и персами на втором году правления Юстина II (567 г.) и закончился на десятом году войны, в результате которой от этого конфликта (577–578) [77].

Большая часть сведений о жизни Феофана основана на догадках. Его титул «византийский», вероятно, помещает его в Константинополь, и это подтверждает его знание дипломатической политики, которое было бы труднее найти в провинциях. Это подтверждается тем, что сохранилось в резюме Фотия, а именно тем, что работа Феофана была сосредоточена на дипломатических отношениях, таких как взаимодействие Юстина II с Хосров по поводу спора о Суании и нескольких дипломатических посольствах, которыми

обменивались Юстин II и тюрки.

Источник самого Феофана Византийского краток, учитывая способ его получения, но он содержит детали периода Юстина II, которые можно сопоставить с Агафием и Менандром, которые, хотя и являются современниками, похоже, писали независимо друг от друга [72]. Евагрий Схоластик написал свою церковную историю во второй половине VI века.

Он охватывает период от Первого Эфесского собора в 431 г. до правления императора Маврикия (работа заканчивается в 593 г.). Одной из главных ценностей Евагрия является использование им исторических документов, которые больше не сохранились. Эти документы включают копии актов соборов в Эфесе I и II, Халкидоне, Константинополе и римского синода 484 года. Хенотикон всякий раз, когда можно проверить его цитаты из этих текстов, таких как акты Эфеса I, обычно обнаруживается, что они были точно переписаны [3].

Евагрий также использует несколько исторических источников, включая Иоанна Малалу, Евстафия, Захарию Схоластика, Прокопия и Иоанна Эпифанийского. Хотя он предоставляет подробности светских событий во время правления Юстина II и Тиберия II, он особенно полезен для церковных событий этого периода, которые не записаны в других источниках. Евагрий также предоставляет подробности доктринальной политики, такие как запись указа Юстина II об отказе от афтардокетизма Юстиниана, который в остальном сохранился только на сирийском языке [74].

Главной ценностью Евагрия для этого исследования является его отчет о восстании христиан в Персармении, в частности о действиях Павла, епископа Нисибиса, в 572–573 гг., для которого Евагрий является единственным источником [67].

Следует проявлять осторожность, поскольку Евагрий явно отрицательно относится к Юстину II из-за того, что он не признает заслуг покровителя Евагрия Григория Антиохийского [3, 17, 53, 69]. Важно отметить, что, хотя Евагрий отрицательно относится к Юстину II во всем источнике, описываемые им события представляются заслуживающий доверия. Есть основания полагать, что это достоверно, несмотря на то что об этом событии не сообщается в современных источниках.

А. Ли указывает, что Иоанн Эфесский, другой крупный историк того периода, был миафизитом и вряд ли имел подробные сведения о действиях несторианского епископа. Кроме того, Гарсоян утверждает, что вполне вероятно, что Иоанн Богоявленский не освещал этот инцидент, поскольку 570-е годы были лишь фоном его истории, и он рассматривает их более поверхностно [30, 52, 73].

Наконец, тесная связь Эваргрия с Григорием Антиохийским предполагает, что он имел доступ к сообщениям Павла Низибийского, который установил контакты с ведущими религиозными деятелями Константинополя, одним из которых был Григорий [67].

Феофилакт Симокатта писал в начале седьмого века во время правления Ираклия. Он считается последним из светских историков-классицистов и продолжил истории Прокопия, Агафия и Менандра Протектора. Его работа сосредоточена на военной и политической истории периода между 565 и 602 годами. Есть две основные темы, на которых Феофилакт сосредотачивает свое повествование: конфликт на Балканах против славян и авар и война между Римом и Персией на Востоке. Хотя Феофилакт дает подробное повествование, его риторика имеет тенденцию преувеличивать события, а его хронология может быть неясной или просто неправильной [73].

«Вселенская история» Феофилакта была написана через тридцать-шестьдесят лет после событий и, таким образом, во многом опирается на письменные источники. В тексте можно обнаружить пять основных источников: для восточного повествования Иоанна Епифанийского и источник «Ираклия», а для повествования Балкина Константинопольская летопись, источник «Приска» и житие Маврикия [42, 68].

К Феофилакту следует относиться с осторожностью, поскольку, хотя в его повествовании есть некоторые положительные стороны, у него есть заметные ограничения. Его главная ценность для современного ученого заключалась в том, что он объединил несколько восточных и западных источников (упомянутых выше) в единое повествование, а также включил христианский материал, который, по-видимому, ему понравился [54, 75, 76].

Кроме того, его связи с правительством в VII веке дают потенциальное представление о современных идеологиях империи в период, когда он писал [41]. Подводные камни текста связаны с его ненадежностью в описании событий во время правления Маврикия, его очевидным отсутствием географических и военных знаний, его сдвигами в фокусе повествования, запутанной хронологией и повторяющимся использованием риторических приемов [29, 78].

Текущие дебаты в Феофилакте имеют прямое отношение к этому тезису. Это связано с использованием слова «Склавиния», а именно, относится ли оно исключительно к группе людей или географической и политической единице.

Эти дебаты имеют отношение к данному исследованию, поскольку мы утверждаем, что славяне были формирующимся государством в шестом веке, с которым взаимодействовали византийцы, и фактически населяли географическое положение к северу от Дуная, даже если имело место «смещение» границ в этом месте. С одной стороны, Э. Хрисос утверждает, что слово «Sklavinia» является прилагательным, видоизменяющим английское существительное horde [12, 22, 51].

Он аргументирует это двумя утверждениями. Во-первых, что редакторы, работавшие над текстом, Уитби, Уитби и Де Бур приняли эту интерпретацию, а во-вторых, что использование прилагательного «sklavinius» существовало в греческой версии «Vita Methodii» [22].

С другой стороны, Ф. Курта возражает против этой интерпретации. Он отклоняет это утверждение, утверждая, что «sklavinius» как прилагательное в греческом языке вообще не существует [26]. Более того, он указывает, что «plethous» (орда) никогда не сопровождается прилагательным в «Истории» Феофилакта.

Таким образом, Курта заключает, что Феофилакт использовал это слово как имя собственное для различения географических областей, контролируемых определенными этническими группами к северу от Дуная (т. е. земля славян против земли аваров) [25]. Аргументы Хрисоса и Гкуциукостаса в основном поддерживают утверждение о том, что «до конца VIII века в письменных источниках не было упоминаний о Скальвиниях как о конкретных географических и политических единицах» [22, 27, 33].

Как будет продемонстрировано позже в этом исследовании, похоже, что есть доказательства возникновения политической славянской политической структуры к северу от Дуная. Хотя эта структура все еще находилась в зачаточном состоянии, между лидерами славян и византийцами происходили взаимодействия, которые имели разветвления на Византийскую империю в VI веке.

Хроника Феофана, написанная в IX веке (между 843–872 гг.), является продолжением работы Георгия Синкеллоса и охватывает период с 284 по 813 гг. Отношение Феофана к Синкеллу актуально, поскольку существуют споры об авторстве Хроники. Согласно предисловию, на смертном одре Синкелл завещал Феофану «книгу, которую он написал и предоставил материалы для восполнения недостающего» [42].

Этот отрывок стал центром споров о том, можно ли приписывать Хронику самому Феофану или большая часть авторства должна принадлежать Георгию Синкеллосу. Споры возникают из-за того, как следует интерпретировать слово «аformai». К. Манго утверждает, что «аformai» следует интерпретировать как «письменные материалы», и, таким образом, утверждает, что, хотя объем этих материалов неясен, они составляли основную часть «Хроники» и что роль Феофана была скорее редакторской [43, 49, 56, 71].

Этому аргументу возражает К. Цукерман, который утверждает, что аформы следует понимать более буквально, например, «отправную точку, случай или возможность». Таким образом, он утверждает, что Синкеллос давал Феофану возможность завершить то, чего не хватало [19, 50, 58, 65, 79].

Можно утверждать, что появление новых политий на его границах и достигнутый ими уровень силы можно в значительной степени отнести к внешней политике, которую византийцы проводили в этот период.

Основа для возникновения могущественных государств, таких как авары, славяне и арабы, была заложена благодаря их взаимодействию с преемниками Юстиниана в конце VI века. Конечная цель состоит в том, чтобы предоставить всестороннее исследование, которое признает ряд тенденций, имевших место в Византийской империи, и демонстрирует важность переходного периода между Юстинианом и Маврикием и Византией.

К сожалению слависты не изучали западно-сирийский труд «Хроники 640 года» или «Хроники Фомы Пресвитера», так как искать сведения о первых славянах и их вторжениях в Грецию в труде написанном в 640 г. в якобитском монастыре в северной Месопотамии, в монастыре Кеннешре, и, тем не менее, этот труд содержит в себе драгоценный рассказ с очень важными данными о славянских вторжениях и их закрепление в Эгейском море.

Крещение Руси и ее союз с Константинополем датируется 987 годом, когда киевский князь Владимир I (род. 958, ум. 1015) заключил договор с императором Василием II и его соправителем Константином VIII, которому угрожал узурпатор Варда Фока.

В обмен на его помощь и обращение в христианство Владимиру была дарована рука сестры императора Анны, порфирогенитки, что было редкой привилегией в то время. Князь, получивший потом имя Василий, крестился в день Богоявления 988 года и его люди (до тех пор последователи славянской мифологии) вероятно, в Пятидесятницу того же года. Постепенно создавалась Церковь, митрополит которой назначался Константинопольским патриархом, назначавшим епископов по согласованию с князем.

Другие православные государства, такие как Болгария (1396 г.) и Сербия (1459 г.), последовательно перешли к османам. Таким образом, Москва, а точнее Московия, стала единственным независимым православным государством в Европе; отсюда можно сделать вывод, что Москва имела божественную миссию заменить Константинополь, оставался только один шаг.

Поэтому, вероятно, чтобы завоевать благосклонность князя, который мог оказаться угрожающим, в письме к великому князю Василию (Василию) III Филотея написала в 1508

году знаменитый отрывок: «Знай, благочестивейший государь [царь], что все империи, принадлежащие к православной христианской религии, ныне соединены в твоей империи: ты единственный император христиан всего мира. Все христианские империи объединены в твоей империи. После вас мы ждем Империю, которой не будет конца... Два Рима пали, а третий остался, а четвертого не будет».

Эта теория имела фактически две части: первая оправдывала всевластие государя, вторая делала Московию хранительницей чистоты православной веры. Присвоив великому князю титул «царь», Филофея подтвердила тезис о божественном происхождении княжеской власти, инспирированный Агапетом.

Эта легитимация абсолютной власти князя была обнаружена в летописях того времени, бытовавших как при дворе князя, так и при дворе митрополита. Так, «Сказание о князьях Владимирских», написанное монахом начала XVI века, прослеживает мужскую линию князей московских не только к Рюрику, но и к некоему Прусу, к которому император Цезарь Огюст, его дядя, отдал бы северную часть мира, известную впоследствии как Пруссия. Согласно той же летописи, византийский император Константин IX Мономах, дед Владимира Мономаха (1052–1155), великого князя Киевского, подносил ему символы власти, в том числе знаменитую корону, которая впоследствии использовалась для коронации царей.

Более того, она напомнила, что подобно пророку Илии, который с небольшим остатком Израиля восстал против царя Ахава после того, как он оставил Бога Израиля в пользу бога Ваала, малое Московское княжество имело миссию сменивший Константинополь после императора и патриарха, но не народ, отступивший от истинной православной веры. В этой перспективе великий князь, который должен был принять титул царя, представителя Бога на земле, имел, таким образом, миссию управления империей в общении с патриархом, хранителем православия, в ожидании второго пришествия Христа. Куликовская победа, в 1380 г., одержавший победу над доселе непокоренными монголами, после того как войска были благословлены религиозными властями Москвы, приобрел религиозное измерение и был истолкован как победа Креста над Полумесяцем.

В поддержку этой теории историками того времени и их преемниками выдвигались различные аспекты политики Ивана III, такие как женитьба князя на царевне Зое Палеолог, племяннице последнего императора Византии, использование титула «царь», принятие двуглавого орла или сходство коронационных обрядов в Москве и Константинополе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алымкулов М.С., Наматов Н.А. «БОЛЬШАЯ ИГРА» РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. №4–1. С. 15–17.
2. Слоботчиков О. Н., Наматов Н. А. Наследие Рима: монография: в 6 томах. Т. 1: От Византии до Кордовского Халифата и Османской империи / Национальное общество древностей Франции [и др.]. — М.: Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, 2023. — 600 с.
3. Allen P. Evagrius Scholasticus, the Church Historian. Louvain: Spicilegium Sacrum Lovaniense, 1981.
4. Atram M., Blet-Lemarquand M., Skjaervo P. Shapur, King of Kings of Iranians and non-Iranians (in Gyselen R. ed.). Des Indo-Grecs aux Sassanides: données pour l'histoire et la géographie historique. Bures-sur-Yvette, GECMO, 2007. pp. 11–40.

5. Ando C. *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire*. Berkeley, 2000. 48 p.
6. Baldwin B. *Menander Protector*. DOP. Vol. 32, 1978. pp 99–125.
7. Baldwin B. *The Career of Corippus*. *Classical Quarterly*, Vol. 28, No. 2, 1978. pp. 372–376.
8. Banaji J. *Precious Metal Coinages and Monetary Expansion. Exploring the Economy of Late Antiquity*. Cambridge, 2016. pp. 110–140.
9. Banaji J. *Spätantike Agrarverhältnisse. Kontinuität oder Umbruch? Einige Überlegungen zu Wickhams Framing the Early Middle Ages (Cerman M. ed.). Agrarrevolutionen: Verhältnisse in der Landwirtschaft vom Neolithikum zur Globalisierung*. Innsbruck, 2008.
10. Börm H. «Es war allerdings nicht so, dass sie es im Sinne eines Tributes erhielten, wie viele meinten...»: Anlässe und Funktion der persischen Geldforderungen an die Römer. *Historia* 57, 2008. pp. 327–346.
11. Brodka D. *Die Geschichtsphilosophie in der spätantiken Historiographie: Studien zu Prokopios von Kaisareia, Agathias von Myrina und Theophylaktos Simokattes*. Frankfurt: Lang, 2004. 258 p.
12. Brubaker L., Haldon J. *Byzantium in the Iconoclast era: c. 680–850: A History*. Cambridge, 2011. 944 p.
13. *Byzantium and the East in the sixth century* in M. Mass (ed.). *The Cambridge Companion to the Age of Justinian*. Cambridge, 2005. pp. 477–509.
14. Cameron A. *Agathias on the Sassanians*. *Agathias*. Oxford. DOP 23/24, 1970. pp. 67–183.
15. Cameron A. *Late Antiquity and Byzantium: An Identity Problem*. *Byzantine and Modern Greek Studies*, Vol. 40, 2016. pp. 27–37.
16. Cameron A. *The Byzantine sources of Gregory of Tours*. *Journal of Theological Studies New Series*, Vol. XXVI, No. 2 (October 1975). pp. 421–426.
17. Cameron A. *The Empress Sophia*. *Byzantion*, Vol. 45, No. 1, 1975. pp. 5–21.
18. Cameron A. *Writing about Procopius then and now*, in C. Lillington-Martin and E. Turquois (eds.), *Procopius of Caesarea: Literary and Historical Interpretations*. Milton Park, 2017. pp. 13–25.
19. Carrère d'Encausse H. *Catherine II: un âge d'or pour la Russie*. Paris: Fayard, 2002. 656 p.
20. Cesaretti P. Fobelli M. *Santa Sofia di Costantinopoli: un tempio di luce (De aedificis Iustiniani I 1,1-78)*. Milano, 2011.
21. Christensen A. *L' Iran sous les Sassanides*. Copenhagen, 1936. 125 p.
22. Chrysos E. *Settlements of Slavs and Byzantine sovereignty in the Balkans* in K. Belke, E. Kislinger, A. Külzer, and M. Stassinopoulou, *Byzantina Mediterranea. Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag*. Vienna, 2007. pp. 123–135.
23. Croke B. *Procopius' Secret History: Rethinking the Date*. *GRBS* 45, 2005. pp. 405–431.
24. Curta F. *Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: Medieval gens or scourge of God? Early Medieval Europe*. 6 (2), 1997. pp. 141–167.
25. Curta F. *Southeastern Europe in the Middle Ages 500–1250*. Cambridge. 2006.
26. Curta F. *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, ca. 500–700*. Cambridge, 2001.
27. Curta F. *Theophylact Simocatta revisited: A response to Andreas Gkoutzioukostas*. *Byzantion Nea-Hellás*. No. 35 – 2016. pp. 195–209.
28. Daryaee T. *Ethnic and Territorial Boundaries in Late Antique and Early Medieval Persia (Third to Tenth Centuries)* in F. Curta (ed.). *Borders, Barriers, and Ethnogenesis: Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages*. Turnhout, 2005. pp. 123–138.

29. Efthymiadis S. A historian and his tragic hero: a literary reading of Theophylact Simokatta's *Ecumenical History*. *History as literature in Byzantium: papers from the Fortieth Spring Symposium of Byzantine Studies*. Birmingham: University of Birmingham, 2010. pp. 169–186.
30. Garsoïan N. Le rôle de l'hierarchie chrétienne dans les rapports diplomatiques entre Byzance et les Sassanides. *Revue des études arméniennes*. 10 – 1973–1974. pp. 119–138.
31. Gignoux Ph. and Tafazzoli A. (eds. and trans.). *Anthologie de Zādspram: édition critique du texte pehlevi traduit et commenté*. Paris: Association pour l'Avancement des Études Iraniennes, 1993.
32. Gillet A. *Envoys and Political Communication in the Late Antique West*, 411–533. Cambridge, 2003.
33. Gkoutzioukostas A. Seals of Byzantine officials connected with the administration of justice. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* No. 62, 2012. pp. 9–18.
34. Gnoli G. *The Idea of Iran: An Essay on its Origin*. Rome. 1989. 216 p.
35. Greatrex G. (ed.), Phenix R., Horn C. (trans.), Brock S., Witakowski W. (contr.). *The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor*. Liverpool, 2011.
36. Greatrex G. The Dates of Procopius' Works. *BMGS* vol. 18, 1994. pp. 101–114.
37. Greatrex G., Lieu S. *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars: Part II AD 363–630*. London, 2002.
38. Gyselen R. New Evidence for Sasanian Numismatics: The Collection of Ahmand Saeedi in R. Gyselen (ed.). *Contributions à l'histoire et géographie historique de l'empire sassanide*. Bures-sur-Yvette, 2004. pp. 49–140.
39. Haury J. *Procopiana I*. Programm des königlichen Realgymnasiums Augsburg 1890/1. Augsburg, 1891.
40. *Herodoti Historiae*, ed. K. Hude, 3 vols. Oxford, 1927.
41. Howard J. *East Rome, Sasanian Persia and the End of Antiquity: Historiographical and Historical Studies*. Aldershot: Ashgate, 2006. XVI + 318 pp.
42. Howard-Johnston J. Procopius, Roman defences north of the Taurus and the new fortress of Citharizon in D. French and C. Lightfoot (eds.). *The Eastern Frontier of the Roman Empire. Proceedings of a Colloquium Held at Ankara in September 1988*, vol. 1–2. Oxford, 1989. pp. 207–229.
43. Hoyland R. *Seeing Islam as Others Saw It: A Survey and Evaluation of Christian, Jewish, and Zoroastrian Writings on Early Islam*. Princeton, 1997.
44. Kaldellis A. Byzantine Historical Writing, 500–920 in D. Woolf, A. Feldherr, G. Hardy, and I Hesketh (eds.). *Oxford History of Historical Writing*, V. 2: 400–1400. Oxford: Oxford University Press, 2012. pp. 201–217.
45. Kaldellis A. Identifying Dissident Circles in Sixth-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos *Florilegium*. Vol. 21, 2004. pp. 1–17.
46. Kaldellis A. *Procopius of Caesarea: Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity*. Philadelphia, 2004.
47. Kaldellis A. Procopius' Persian War: A Thematic and Literary Analysis in R. Macrides (ed.). *History as Literature in Byzantium: Papers from the Fortieth Spring Symposium of Byzantine Studies*, University of Birmingham, April 2007. Farnham. pp. 253–274.
48. Kaldellis A. The Date and Structure of Prokopios «Secret History» and His Projected Work on Church History. *Greek, Roman, and Byzantine studies* Vol. 49, pp. 585–616.
49. Kaldellis A., Prokopios. *The Secret History: With Related Texts*. Indianapolis/Cambridge: Hackett Publishing Company, Inc., 2010. lxxix, 195.
50. Kazhdan A. *A History of Byzantine Literature*. Athens, 1999.

51. Koder J. The Image of the Other According to Greek Sources, in C. Maltézou and P. Schreiner, *Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII-XV secolo): atti del Colloquio Internazionale Organizzato nel Centenario della Nascita di Raymond-Joseph Loenertz O.P., Venezia, 1-2 dicembre 2000.* Venezia, 2002.
52. Lee A. D. Evagrius, Paul of Nisibis and the Problem of Loyalties in the Mid-Sixth Century. *Journal of Ecclesiastical History.* Vol. 44, 1993. pp. 569–585.
53. Lee A. D. *Information and Frontiers.* Cambridge. 1993.
54. M. Whitby (eds.), *The Cambridge Ancient History.* Cambridge. Vol. 14, 2001. pp. 315–345.
55. Maas M. Roman History and Christian Ideology in Justinianic Reform Legislation. *Dumbarton Oaks Papers.* Vol. 40, 1986. pp. 17–31.
56. Mango C. Who wrote the Chronicle of Theophanes? *Zbornik radova Vizantoloskog Instituta.* Vol. 18, 1978. pp. 9–17.
57. Mosig-Walburg, K. Sonderprägungen Khusros II (590-628): innenpolitische Propaganda vor dem Hintergrund des Krieges gegen Byzanz in R. Gyselen (ed.). *Sources pour l'histoire et la géographie du monde iranien, 224–710.* Bures-sur-Yvette. 2009. pp. 185–208.
58. Palmer A. *The Seventh Century in West-Syrian Chronicles.* Liverpool: Liverpool University Press, 1993. 305 p.
59. Payne R. Cosmology and the Expansion of the Iranian Empire, 502–629 CE. *Past and Present.* Vol. 220, 2013. pp. 3–33.
60. Pazdernik C. Byzantine Political Thought in M. Bevir (ed.). *Encyclopedia of Political Theory I.* Los Angeles, 2010. pp. 148–152.
61. Roques D. *Procopé de Césarée: Constructions de Justinien Ier.* Alessandria. 2011.
62. Sancisi-Weerdenburg H. Gifts in the Persian Empire in P. Briant and C. Herrenschildt (eds.). *Le tribute dans l'empire perse.* Paris, 1989. pp. 126–146.
63. Scott L. Antibarbarian sentiment and the 'Barbarian' general in Roman Imperial Service: the Case of Ricimer in J. Harmatta (eds.). *Proceedings of the 7th Congress of the International Federation of the Societies of Classical Studies II.* Budapest, 1984. pp. 23–33.
64. Scott R. Justinian's Coinage and Easter Reforms and the Date of the Secret History. *Byzantine and Modern Greek Studies.* Vol. 11, 1987. pp. 215–221.
65. Ševcenko I. The search for the past in Byzantium around the year 800. *DOP.* Vol. 46, 1992. pp. 279–293.
66. *The Cambridge Ancient History: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600* in Cameron A., Ward-Perkins B., Whitby M. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 1185 p.
67. *The Ecclesiastical History of Evagrius Scholasticus* (trans. M. Whitby). London: Liverpool University Press, 2000. 390 p.
68. Thomson R.W. *The Lives of Saint Gregory: The Armenian, Greek, Arabic, and Syriac Versions of the History attributed to Agathangelos.* Caravan Books, 2010. 536 p.
69. Tinnefeld F. H. Ceremonies for foreign ambassadors at the court of Byzantium and their political background. *Byzantinische Forschungen.* Vol. 19, 1993. pp. 193–213.
70. Treadgold W. *The Early Byzantine Historians.* Basingstoke, 2007.
71. Treadgold W. The Life and Wider Significance of George Syncellus in M. Jankowiak and F. Montinaro (eds.). *Studies in Theophanes.* Paris, 2015. pp. 9–30.
72. Treadgold W. *The Middle Byzantine Historians.* Basingstoke, 2013.
73. Turtledove H. Justin II's observance of Justinian's Persian treaty of 562. *Byzantinische Zeitschrift.* Vol. 76, 1983. pp. 292–301.

74. Turtledove H. *The Immediate Successor of Justinian: A Study of the Persian Problem and of Continuity and Change in Internal Secular Affairs in the Later Roman Empire during the Reigns of Justin II and Tiberius II Constantine (AD 565-582)*. Michigan, 1977.
75. Whitby M. *The Emperor Maurice and His Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare (Oxford Historical Monographs)*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 384 p.
76. Whitby M. *The History of Theophylact Simocatta*. Oxford [Oxfordshire]: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1986. 258 p.
77. Wilson N. *Photius: The Bibliotheca*. Bristol: Bristol Classic Press, 1994. 276 p.
78. Wilson N. *Scholars of Byzantium*. London, 1983 rev. 1996.
79. Zuckerman C. *Theophanes the Confessor and Theophanes the Chronicler, or, A story of Square Brackets* in M. Jankowiak and F. Montinaro (eds.). *Studies in Theophanes (TRAVAUX ET MÉMOIRES, 19)*. Paris, 2015. pp. 31–52.

Namatov Nurlan Amanovich

Associate Researcher French Institute for Academic Studies
Member of the Asiatic Society of Paris
Honorary Professor of the University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia
E-mail: namatov@gmail.com

Lopez Franklin Barriga

Honorary Director of the National Academy of History of Ecuador
Corresponding Member of the Royal Academy of Spanish History
Corresponding Member of the National Academy of History and Geography of Mexico
Honorary Professor of the University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia

Moscow as the Third Rome: Byzantium's Legacy

Abstract. Without rejecting the significance of the Golden Horde for the formation of the Russian state, it must be emphasized that the main role was played by the imperial ideology of Byzantium. The policy and state system of the Golden Horde, like other Turkic emirates, is based on the Persian tradition of governance. In the article, the authors compare Byzantium and Sasanian Persia, whose heirs were Muscovy and the Golden Horde, which will be discussed in this article. The idea of monarchy was rooted in the idea of a divine man. The decisive factor in this process was the contribution of the Roman Empire, which, starting from Augustus, was able to brilliantly use the monarchical idea, translating it into powerful political institutions and strong social structures. In a state weary of long civil strife, Augustus' decision must have seemed the only one capable of putting an end to the abuses of the oligarchy and democracy. The Roman Republic seemed to have been restored, although only in appearance: in order for Augustus to serve as rector or moderator of the *rei publicae*, he had to be given special primacy; this came from the appropriation of *auctoritas*, which brought the principality closer to autocracy (=absolute power of only one). Rather, he takes on the character of a *dominus*, that is, the guardian of absolute power, which, restoring the concept of kingship that was present in the Hellenistic world, is based on divine will. Although he himself is not a god, the sacred and mysterious aura that the emperor was endowed with becomes an important source of legitimacy for the direction of the political order. The transition to this concept of power occurred with the advent of the Christian empire; in fact, if, on the one hand, the sovereign used Christianity to exalt the greatness of his political power, then, on the other hand, Christianity was preparing to find in the sovereign himself a devoted defender of religion. The authors present extensive materials on the history of Byzantium and the Slavs and the continuity of Muscovy. In the work, the authors emphasize that the history of Russian statehood is connected with the Byzantine worldview of the world.

Keywords: Byzantium; Slavs; orthodoxy of Rus; idea of monarchy; *dominus*; Justinian; Sasanian Persia